

ДЖОННИ

Первая книга
ДЖОННИ В БОЛЬШОМ МИРЕ

Алексей Лавров

18+

Алексей Лавров

Джонни в большом мире

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=38272608

SelfPub; 2018

Аннотация

Простой парень из маленького города Джонни пытается найти своё место в большом мире. Дело осложняется тем, что его родной город умер, когда ему было 11, и вырос он в банде бродяг, а большой мир слегка спятил. Но закалённого бойца ведь не должны смущать такие пустяки?

Содержание

Пролог	5
Глава 1	6
Глава 2	16
Глава 3	23
Глава 4	40
Глава 5	49
Глава 6	63
Конец ознакомительного фрагмента.	65

Изображения, использованные в создании обложки, взяты из свободного доступа на сайтах:

<https://www.deviantart.com>

<http://allday2.com>

Создатель обложки я – Алексей Лавров, иллюстрации изменены мной вторично.

Пролог

Этот мир очень похож на наш географически. У него другие названия и чуть-чуть иная история. А люди всё те же.

Глава 1

Простой парень Джонни не отличается ростом, шириной плеч и мужественным или романтическим ликом. Среднего роста, курносый, лопоухий, конопатый. Фантазёр, но весьма реалистичного склада.

Взять, например, его взгляд на небо – обычное синее небо, как во всех мирах отражения Земли, для него было фиолетовым. Причём из всего синего не представлялось, а именно виделось фиолетовым только небо, так что дальтонизмом он не страдал.

Другие какие-нибудь особенности не проявились – средненькие в целом стартовые обстоятельства, вдобавок Джонни родился и рос в маленьком городе.

В детстве город казался ему огромным, красивым, но ... так бывает с деревьями – он незаметно умер.

Даже взрослые его жители не сразу это поняли, а Джонни сообразил, что всё идёт неправильно в одиннадцать лет, когда мама не пришла. Она уходила каждый день и приносила ему покушать. Мама где-то работала очень подолгу, всё дольше и дольше, и однажды не пришла совсем.

Он ждал её и ждал – Джонни уже не плакал, привыкая к мысли, что мама больше не придёт никогда. Вдруг в нём сработала некая пружинка – он деловито собрал свой рюкзачок,

оделся потеплее и ушёл из квартиры, из дома...

Джонни прибился к банде таких же брошенных пацанов. Им везло, Джону тоже, со временем он даже добился высокого статуса. Ребята незаметно подросли и однажды сделали эпохальное открытие – мир за пределами городка не погиб, там жили люди, ездили машины. Совместно с другими такими же стаями или сами повадились в набеги на окрестные посёлки и придорожные заведения.

В набегах теряли парней, да и сами набеги нравились Джону всё меньше.

– Не так нужно брать большой сытый мир – думал Джонни. – Там живут слабые люди, но даже они обеспечивают себя всем необходимым без смертельного риска. Что уж говорить обо мне?

Джон вырос из стаи, как из старых штанов, – она стала казаться детским садом. Тепло простившись с ребятами, взяв из своей доли немного еды на дорожку, он отправился в ближайший большой город. В одиночку. Через заброшенные кварталы, промзону...

Впрочем, прогулка по родному городу доставила лишь удовольствие. Прожить полгода в стае разведчиком – это не разок загород прогуляться. Вот до ближайшего города путь был совсем неблизким, а Джон, как ни странно, чурался "естественного" пространства – леса, полей.

Ему было очень неуютно стоять на шоссе во весь рост под огромным, от горизонта до горизонта, фиолетовым ку-

полом. Внутренне собрался, вытянул руку с поднятым пальцем и простоял так целый час, пока у обочины не притормозил грузовичок. Водитель скептически осмотрел его и велел лезть в кузов, и не отсвечивать, потому что людей в кузове перевозить запрещено. Джон пожал плечами и сделал, как было велено.

Попав в город, Джон сразу же озаботился главным – работой. Вокруг гуляли стада добычи, наметить жертву и обработать плёвое дело. У Джонни по инерции складывались варианты один краше другого. Но...

Тогда чем его поход будет отличаться от вылазки? Ведь он решил никогда и ни за что не возвращаться в развалины! Нет, он не станет грабить, убивать... э... там видно будет, но грабить не станет. Он парень непривередливый, неужто не заработает на самое необходимое?

Джон решил брать мир по-умному. Не приставал к прохожим, не совал нос в подворотни, просто брёл, даже не озираясь – у него хорошо развито периферийное зрение. Сам он давно уже никаких сильных эмоций не испытывал, притупились как-то, но чужие чувства учитывал и умел ими манипулировать.

В его мире главным чувством была благодарность, а вовсе не страх, запах страха привлекает хищников, и его ис-

точник быстро гаснет. Поэтому стоя держалась на благодарности – ты сегодня спас меня, завтра я обязательно вытащу тебя. Джонни искал, кому бы помочь, чисто по воспитанию.

И нашёл, конечно. Проходил мимо открытых ворот, как из них выехал сине-белый фургон с затейливым логотипом. Заглянув внутрь, увидел штабель ящиков, деда в клетчатой рубаше с закатанными рукавам и смешных подтяжках – они забавно задрали ему рабочие брюки.

Пожилой человек, неловко схватив коробку, спотыкаясь, нёс её внутрь дома. Джон не стал задавать вопросов типа «вам помочь?», подошёл к штабелю, ловко взял две коробки и направился к открытой двери. Из неё как раз выходил дед.

– Куда? – только и спросил Джон. Дед ткнул пальцем вглубь помещения.

– Разберёмся, – решил Джонни и проворно продолжил движение.

Штабель кончился быстро, и Джон, не оглядываясь на деда, направился за ворота. Не торжественно медленно, или устало печально, обычной своей походкой. Не отблагодарит сегодня, отблагодарит завтра, он собрался постоянно ему помогать.

– Эй, постой-ка, – окликнул дед.

Джон обернулся.

– Подожди секунду, – пожилой скрылся в дверях.

Через полминуты принёс большой бутерброд и бутылку пива. Бутерброд Джон взял, сказав «спасибо», а пиво про-

игнорировал.

– Ничего себе! – пролепетал дед и, сказав «сейчас», снова побежал в дом.

– Вот ему не лень бегать, – улыбнулся Джонни.

Хозяин заполошно прибежал и сунул парню в руку монеты. Тот захватил кисть, встряхнул и сказал, – Джон.

– Сэм, – опешил дед.

– Очень приятно, увидимся, Сэм, – не стал задерживаться Джон.

– Ну, конечно, Джонни! – обрадовано откликнулся дед.

Джона правильно расценил беготню хозяина – стеснительный человек боялся навязчивости, ему неприятно отказывать.

Близились ночь, Джонни озаботился ночлегом. В большом городе это дело оказалось весьма непростым, но парень решил вопрос, не прибегая к услугам подвалов и сточных канав. Он оглядел прохожих, выбрал самую неприятную и главное – пьяную рожу, запросто подошёл и, не говоря ни слова, врезал дяденьке в селезёнку.

Просто в наглуую избил в людном месте первого встречного и подождал прибытия полиции. Ещё когда он был дозорным, старшие вспоминали этот цивилизованный обычай. Если кого-то прилюдно отметелишь, тебя отвезут в участок, и можно будет спать до утра под охраной.

Не сказать, что визит в участок был уж очень приятным,

били, но били просто потому, что положено. Потерпевший пьян, сам виноват, и не грабил его никто, потерял где-то деньги.

И нечего так орать – полицейские отоварили мужчину вторично и забрали за нарушение общественного порядка. Джон был уверен, что он-то точно никаких денег не брал, а медяками его копы побрезговали.

Что приятно удивило Джона, провели, как они сказали, «санобработку». Завели в помещение с бетонным полом и плиткой на стенах, велели раздеться. Окатали из шланга, дали какую-то пасту. Он намазался неприятно пахнущей кашицей, постоял так пару минут, и с него всё смыли упругой прохладной струёй. А в это время его одежду обрабатывали. Джону вернули ещё горячие штаны и блузу, нижнее бельё, наверное, потерялось...

– На, рыжий, заслужил, – улыбнулся полицейский, кинув ему новые трусы и майку.

Джонни оделся, и его без битья проводили в камеру. На единственной лавке храпел давешний мужчина. Джон вздохнул, мол, нет в мире совершенства, за шиворот стащил мужчину на пол, прокомментировав свои действия, – только вякни, удавлю.

Завалился на лавочку и уснул чутким сном. Спать в таком обществе он не боялся, был уверен, что, протяни мужик к нему руку, Джон, ещё толком не проснувшись, ему пальцы отгрызёт.

Утром ему отдали медяки, попросили больше так не делать и указали на дверь. С крылечка Джонни увидел интересную тележку, от неё пахло едой. Ага, почитаем, посчитаем... мелочи как раз хватило на булочку с сосиской.

– Что ж, для начала пойдёт, – повеселел Джонни.

Поедая на ходу хот-дог, направился к воротам Сэма. Он хорошо ориентировался, но так уж получилось, подошёл к дому Сэма по другой улице.

– Ага, дом с названием «Бар Икота Бегемота». – Джонни огорчился, обходить было далеко.

Вдруг стеклянная дверь открылась, и показался Сэм, – привет, Джонни, ты не занят? Подойди, малыш.

Парень без опаски вошёл в двери.

– Вот тот самый паренёк, господин Че-на, о котором я рассказывал, – сказал он мужику небольшого роста с непривычным разрезом глаз.

Обратился к Джону. – Этому господину нужен помощник для выноса мусорных баков. Ты ведь не откажешься?

– Конечно, не откажусь, Сэм, спасибо. Господин, Че-на, здравствуйте, скажите ваш адрес, – Джонни говорил почти-тельно и с достоинством.

– Гру 8, – бросил Че-на. – Почему не спросишь об оплате? Ты согласен работать за любые деньги?

– Много ли платят за такую работу? – улыбнулся Джон, – я уверен, вы заплатите не меньше, чем другим. Ну, не станете

же вы экономить на медяках!

— Хм, логично, — кивнул Че-на, — договорились, можешь приступать.

Так или примерно так Сэм помог Джону наработать клиентуру. Работа была несложной — в определённое время вытряхивать мусорные баки в кузов мусорной машины и передавать водителю мусоровоза плату. Всё осложнялось человеческим фактором.

Водители давно запомнили хозяев домов, легко отличали нанятых мусорщиков и нагло вымогали с последних часть заработка. Причём делали это без лишних слов — не получив мзды, в следующий раз просто не останавливались у данного адреса. Мусорщик, конечно, не мог объяснить, почему пропустил машину, и терял работу.

Попав в такую ситуацию, Джонни быстро сориентировался, он тоже запомнил мусорные маршруты и график. Чтоб не потерять рабочее место, отнёс полные баки к домику по соседству, и для отчёта перед нанимателем на время позаимствовал пустые — их никому не приходило в головы прятать. Хозяева были на службе, мусорщик, сделав своё дело, ушёл, Джонни не пришлось никому ничего объяснять.

На другой день, увидев Джонни на старом месте, водитель остановился и вышел спросить, почему его ещё не выгнали? Но сказать ничего не успел — парой ударов Джон заставил того скорчиться на земле и сучить от дикой боли ножками.

Так же без объяснений поместил водилу в мусорокамеру, вытряхнул сверху баки, вернул тару на место и занял место за рулём. Джонни не собирался его убивать, не стал включать гидравлический пресс, просто отогнал машину к полицейскому участку, запустил разгрузку и скромно удалился.

Он не стал глазеть, как поднялся кузов, и на парковку отделения полиции выпал сначала водитель, а потом его мусором завалило. И так было ясно, что парень, конечно же, столкнётся с очень злыми полицейскими и попытается им объяснить, кто во всём виноват.

Джонни не был злым парнем, его не могло это заинтересовать. Да и дел было полно – в городе хватало мусоровозов, и у него был не один клиент. То, что он не клянчил, не копался, был аккуратен, выгодно отличало его от конкурентов.

Конкуренция у мусорщиков была зверская, однако не произвела на Джона сильного впечатления. Вообще, так подростки из небогатых семей зарабатывали «карманные» деньги, ребята просто по своей природе не могли относиться к этой работе добросовестно. И сил им не доставало, а Джонни уже достиг «призывного» возраста, хотя с его внешностью трудно было отличить от подростка.

Попытки изгнать конкурента закончились на первом же «эй, ты!» И дело было не в словах, Джон считал шаги, не отвлекаясь от работы. Сочтя дистанцию приемлемой для групповой цели – пацаны решили, что вшестером точно справятся – атаковал внезапно и безжалостно, но по-своему нежно

— никого не изуродовал.

Но были ещё и «крутые»! Эти «бандиты» решили дать «урок» Джону! «Подготовить к разговору», с его-то связями в полиции! Да он там каждую неделю моется! Ему, вообще-то, уже хватало денег на ночлежку, и душ там имелся, но профессия требовала регулярной именно «санобработки». Джон мылся бы в полиции чаще, но боялся примелькаться.

Этой шпане не могло прийти в головы, что человек трудится по собственному глубокому убеждению, а не потому, что на большее не способен. Большее в их представлении — это грабить и вымогать у слабых заработанные гроши.

Быть крысой в развалинах среди таких же крыс, Джон считал нормальным, но вести себя как крыса в нормальном мире...

С «крутыми» он на несколько долгих секунд вновь превратился в крысу — бей первым, бей внезапно, бей чем попало, бей насмерть, не оставляй за спиной живых! В общем, от него отстали.

Глава 2

Со временем с коллегами и водителями сложились деловые, дружеские отношения, клиенты ворчали, конечно, но в целом были довольны, Джон не голодал – жизнь как-то стала налаживаться. Но такое уж человек существо – постоянно кто-то раздражает.

Более сильных эмоций Джон не испытывал, если не считать благодарность – вот дядя Сэм человек. А остальные! Джон легко переносил любые лишения и тяготы, но его никогда не унижали – вот в чём фокус.

Очень многим не нравилось его естественное независимое поведение. Ну не нравится – не нанимай! Нет – они считали, что цель их жизни – указать всякому «его место».

Прямо его не оскорбляли, но изводили придирками, тянули с оплатой – придёшь за своими грошами завтра! И всё только потому, что он не видел никаких оснований считать их хоть в чём-то выше себя. Указать ему место – для некоторых это стало идефиксом.

Так подойди к Джону, оскорби, ну! Нет, лучше бросить в бак открытую банку с протухшими консервами или тухлые яйца. И ржать, как он это здорово придумал – проучил мусорщика.

Джонни перестала нравиться нормальная жизнь, вернее, его место в жизни. Вот в стае у него всегда было высокое положение по ловкости и по заслугам.

Газет Джонни не читал, но рекламы на глаза попадалось много, сугубо по роду занятий. Особенное впечатление произвела листовка, с которой широкоплечий мускулистый красавец в красивой форме так прямо и заявлял: «Только армия сделает тебя человеком»! Может, попытать удачу там, где не будет всех этих сволочей?

Туда можно записаться, но каким образом, он понятия не имел. Вообще-то, есть, у кого спросить, но очень уж не хочется. Хотя... сегодня же банный день! Раз уж он решил идти в армию, и не знает, как это сделать иначе, кое-кому напоследок можно «указать» место.

Джон с удовольствием принялся за рассмотрение кандидатур. Так – Сэм отпадает, Че-на просто всегда сволочь, не только с ним, Ро-гу просто дурак... Джон, перебирая варианты, просто оттягивал принятие уже принятого решения.

Конечно же, господин Та-ню, спортсмен и красавец! И не завидовал Джон вовсе, вообще плевать. Вот это, видимо и бесило красавчика – кто-то смеет не восхищаться им, признавая своё ничтожество.

И кто? Мусорщик! Уж как он старался – и глядел презрительно, и цедил сквозь зубы, плату всегда кидал под ноги, тьфу! А Джону пофиг. Но раз уж всё так удачно складывается, и в армию он собрался, и пора идти выносить баки этой

СВОЛОЧИ...

– По-твоему, я обязан торчать у калитки целых две минуты в ожидании твоего визита? Ты представляешь, сколько стоит моё время? Ну, что молчишь? – процедил господин Та-ню, нависая над склонённой головой Джонни, – я жду ответа!

Джон медленно поднял лицо, лучась счастливейшей из улыбок.

– Да ты обкурился, грязная скотина! – хотел заорать господин Та-ню, но получилось лишь. – Да ты э-э-э...

Джонни с особым удовольствием нанёс удар щёпотью в селезёнку. По рёбрышкам, по плавающим, – аж зажмурился Джон. В промежность, так – не падать! Придержать и резко на себя, чтоб носиком в лоб – вот он меня первый клюнул – наслаждался парень – и ещё раз – и ещё!

– Это не со мной, этого не может быть, – подумал красавец, теряя сознание.

– Теперь можешь падать, – разрешил Джон, и ботинками разбил морду, чтоб долго не опознали.

Калечить не стал, но место указал. Перевернул мусорный бак, вывалив содержимое на лужайку, и надел на господина, как презерватив. В два пинка нахлобучил до упора, хмыкнув, поднатужился и воздвиг-таки сей памятник снобизму. Значит бак, а в него, типа, господин воткнулся по пояс, руки по швам, да так раком и застыл.

Не сказать, что Джон собой гордился. Под собственным фиолетовым небом присел в сторонке на поребрик в ожидании полиции, грустно размышляя о вездесущем западле. Увлёкся модерном и не заметил, что господин Та-ню обоссался. Ну, кто бы мог подумать, что спортсмен, краса нации....

Вот как он теперь поедет и как ему людям в глаза смотреть? Джонни был далёк от пафоса художников, хотя имел на него определённые основания.

Остановился мусоровоз, водитель выглянул в окно, показал большой палец и, не дожидаясь погрузки, от греха тронулся далее. У бровки притормозила машина, щёлкнул затвор фотоаппарата. Потом ещё, только со вспышкой, и ещё...

Джонни в кадр не попадал, да и не стремился. Зачем? Ему достаточно чувства воплощения замысла, завершенности, ну и народного признания – копы так ржали, что даже совсем не били.

– Что, Джонни, банный день? – спросил патрульный, – за что ты его так? Не заплатил?

– Просто достал, – взрыв хохота, и острота, – страшно подумать, что ты сотворишь, если тебя достанут непросто!

Снова хохот, команда поехали... и роковой момент – ты обоссался, паршивец?

– Да не я это, он! – со всей убедительностью воскликнул

Джонни, – поздно заметил, когда его ставил!

– Ха-ха-ха! Ну, уморил, мороженого тебе, что ли купить? Ха-ха-ха!

Пройдя обязательную программу визита в родном полицейском участке, Джонни на ритуальный уже вопрос дежурного копа. – Ну, что с тобой делать, грязная скотина? – вместо обычного своего «пустите переночевать» ответил. – Может, убьёте?

Дав полицейскому насладиться новизной, продолжил. – Ну, коли самим лень, поручите военным!

Коп неожиданно для себя задумался над свежим поворотом заезженного до омерзения сюжета. В предложении был смысл.

Отпадала необходимость писать много букв, ломая голову над их расположением. А то ж ведь рапорт – раз, объяснительная этого ушлёпка – два, показания с того обоссаного терпилы – три.

И дел-то всего – вписать его в другой протокол и запихнуть недоумка не в ту камеру. Ну, в ту, где отпускники после дебоша отсыпаются. Их, вообще-то, полагалось в комендатуру сдать, но уж больно они пьяные хулиганили и имели много денег, только потеряли где-то.

Пусть парень за компанию с ними загремит на губу, а там разберутся или убьют, второе предпочтительнее.

Джонни тоже показался такой вариант более вероятным. Попутчики не хотели лезть в полицейский автобус, как их не дубасили, ни в какую не желали там находиться. Еле погрузили, даже пристегнули наручниками к лавке.

Парни с виду присмирели, но когда автобус развил приличную скорость, один из сопровождающих копов приоткрыл узкое окошко почти под потолком, чтоб выбросить окурок.

Так один арестант без видимой подготовки стартовал с места и рыбкой скрылся за окном. Джона совсем переполнили нехорошие предчувствия.

На губе Джон впервые полной ложкой хлебнул военного пафосу. Сначала их били за то, что умудрились попасть гражданским копам. Потом отбой, подъём, завтрак.

И строевые занятия! Вот Джонни настрадался, пытаясь за минуты усвоить то, что нарабатывается долгими тренировками. Командир решил, что Джон издевается, его отволокли в одиночку и снова мастерски избив, оставили отлёживаться, поэтому обед он пропустил.

После обеда Джона привели на плац, и опять в перспективе замаячила одиночка.

– Да я просто не умею! – не выдержал Джонни.

На него с интересом посмотрели, засмеялись, и Джон отоварился за то, что он гражданский самозванец.

Повели к начальнику. Но к тому моменту он жил военной

жизнью уже больше суток. Начальник сказал, что это недо-
разумение, даже извинился! По его приказу Джону дали вы-
спаться, накормили и снова привели.

Офицер ласково спросил, хочет ли Джон в армию? В ар-
мию Джонни хотел уже не так сильно, как днём ранее, но
не зря же он столько вытерпел! Что поделаться, раз такие пра-
вила? Он прислушался к себе и понял, что в армию хоть и
несильно, но хочет. Так и сказал.

Ему дали ручку, велели расписаться «тут и тут», и поса-
дили на неделю за нарушение формы одежды. Он по бумагам
уже второй день служит, а всё в гражданском рванье, охла-
мон! Отоварившись ещё раз как новоприбывший, Джон на-
чал военную карьеру по канону – с губы.

Спустя первую неделю службы Джонни, счастливого от
того, что, вообще, ещё живой, отвезли на военном грузовике
в учебный лагерь, и вывалили у лазарета. Джон, через боль
оторвал лицо от грунта, сквозь муть в глазах огляделся – ё
ж моё! Под фиолетовым небом виднелись окраины развалин
– глюк...

Глава 3

Это глюк, так решил Джон. А как бы он ещё отреагировал, лёжа чисто вымытым на чистом белье впервые с того момента, как ушёл из дома? Ещё и кормят, первый день даже с ложечки! И кто, Господи??? Ангелы!

Правда, без крылышек, зато в халатиках. Как они поют, Джон не слышал, но как кроют особо нервных и впечатлительных, наслушался. Аж воспользовался случаем пополнить лексикон, разглаживая лопухи – всё норовили в трубочку свернуться и горели.

Но это в редких исключениях, избираемых неуловимой женской логикой в соответствии с изгибами девичьего настроения. Обычно – ори, хоть охрипни, слабые с виду ручки надёжно фиксировали пациентов.

Пациентов хватало, и они, к счастью, не только орали. Каждому было интересно, где это Джон две недели валандался, пока они тут за Родину пи... э... люлями объедаются. Джон грустно отвечал, что на гауптвахте, и ребята в ужасе тарасили на него глаза – «ещё разговаривает!»

Грустно Джону было оттого, что курорт этот с ангелочками ненадолго, и койку тут ещё следует заработать. Да так заработать, что ну его этот курорт!

Наконец настал роковой момент, дежурная сестричка сказала выздоровевшим ребятам: «и этого с собой забирайте». Ну и забрали, впрочем, Джон не упирался. Захотелось в армию? Так надо хотя бы посмотреть.

Покинув лазарет, Джон снова едва не впал в эйфорию – это всё-таки глюк! Неподалёку начинались джунгли брошенных кварталов. Он хорошо ориентировался и был уверен – до развалин очень далеко.

Он имел в виду родной город, не подозревая, что такая участь постигла многие города. Новые товарищи, фермерские сынки, объяснили ему, что это только краешек мёртвого мегаполиса Чи-ха-хо. Его родной городок, оказывается, просто скверик по сравнению с этими джунглями развалин.

Не все ребята родились на фермах, многих забрали бабушки и дедушки, пока родители пытались «свести концы с концами, вынырнуть на поверхность...», а в конце просто не умереть с голоду. В Такии не принято содержать взрослых детей, а внуки – совсем другое дело.

Джону не показалось странным, что его сослуживцы не из городов. Ну, надо, так надо. Тем более он точно не фермер, чем и пользовался всю дорогу.

У него с лица не сходила добродушная улыбка, когда парни, сокрушённо качая головами, рассказывали, как сильно он отстал от программы. Оказывается, они уже две недели

осваивают... ориентирование в городе! У них даже что-то уже получается, вот!

Что у них получается, Джон оценил на следующее утро. Подтянутый офицер с простецким, располагающим лицом провёл короткий инструктаж. Лейтенант Ха-рис на грифельной доске изобразил участок «застройки». Отметил дом, в котором на втором этаже есть стенка с чёрным крестом. Нужно дойти до этого крестика и спокойно отдыхать. Джон поднял руку, желая задать вопрос.

Ха-рис кивнул, – давай.

– А крысы там есть? – на полном серьёзе спросил Джон.

– Ха-ха-ха! – грохнули ребята, ничего не поняв.

Но лейтенант понял Джона очень хорошо, внимательно на него посмотрел, рассмотрел даже, и серьёзно ответил, – нет.

– Ох-хо-хо-хо! – развеселились фермерские сынки – крыс нет!

– Боец, обращаясь ко мне, всегда говори «господин лейтенант». Понял? – «не заметил» общее веселье Ха-рис.

– Да, господин лейтенант, – спокойно ответил Джонни.

– Ладно, пока пойдёт, – вздохнул Ха-рис, и гаркнул. – А ну заткнулись все! Встали и пошли, если такие умные.

Ребята подскочили и рысцой направились к руинам.

– Джонни, ты меня держись, – сказал ему Джош, – лей-

тёха не всё сказал, ведь мы-то уже в курсе. Там эти изверги, нетакийские инструкторы будут нас ловить. Если что, ты убежишь...

Джош вздохнул, – а я в лазарете ещё не был. Надоело всё!

Парень проникся к Джону симпатией как единственный рыжий к хотя бы конопатому.

Джон улыбнулся, – не нужно, Джоши, беги один, больше шансов.

И поднажал. Простой манёвр – вырвался вперёд, притаился, пропустил ребят. Наметил «жертву» и повёл. Ага, вот его и отоварили, кто-то должен страховать... кажется там. И как нам их надуть?

Для крысы-разведчика запросто, обошёл их Джонни по ходу дела ориентируясь в руинах. Нашёл нужный дом, стенку с крестиком, присел, на стеночку навалился и задремал.

– Боец, обед проспишь, – услышал Джон голос лейтенанта, одним движением поднялся и вопросительно уставился на него.

– А я подумал, что спишь, – сказал лейтенант.

«Ну, сплю я так!» – улыбнулся в душе Джонни, сохраняя на конопатой харе почтительность.

– Тебя потеряли, – объяснил лейтёха, – всех уже нашли и отфигачили, а тебя искали-искали... дай, думаю, под крестиком посмотрю.

Джон ушам не верил – из всего стада ни один не справился с такой ерундой???

– Ладно, пойдём, везунчик, – приказал лейтенант, – после обеда посмотрим тебя на плацу.

Обед Джону очень понравился, а плац... э... не очень. На плацу Джону талантами блеснуть не удалось, да оно и к лучшему – даже если б мог, сам не стал бы выпендриваться перед ребятами.

И так один из всех небитый. Вот и лечь, встать, лечь, встать, лечь, упор лёжа, десять отжиманий... встать, лечь... Джонни понимал начальство – не со зла, а для воспитания и справедливости – каждый получает порцию горя не так, значит иначе, от судьбы не уйдёшь... пока не упадёшь.

Рука предательски подкосилась, Джон растянулся на плацу, и тут же удар ботинком по рёбрам и злая непонятная речь. «Действительно изверги нетакийские», – подумал Джон и, прикусив губу, продолжил отжимания... продолжил ё от-жи-и-и-ма-ния...

– Бур-бур-бур, боб, хватит, встать, – прорычало над головой Джонни. Он как мог резко поднялся. Снова «бур-бур», но, вроде бы, одобрительно. Ну, точно! Милость-то какая. – Встать в строй.

Какое счастье – строевая подготовка! Попадает только стеклом всего лишь по заднице. А так – ходи себе, гуляй! Кульминацией счастья Джонни стал ужин, а за ним и вовсе

рай – час свободного времени, если свободен от нарядов.

Зашить, что порвалось-оторвалось, почистить. Полчасика потрепаться, переодеться и бегом на вечернее построение, где душка Ха-рис скажет всем «спокойной ночи», то есть раздаст на завтра наряды и рывкнет, – разойдись!

Прошло два таких же дня, один в один, и Джон решил, что так оно и пойдёт. Но на третий день ребятам вместо развалин назначили плац, а Джона Ха-рис задержал. Подошёл к грифельной доске и поставил индивидуальную задачу.

– Смотри, – он нарисовал грубую схему, догадывайся, как хочешь, – тут, тут и тут целевые кресты. Ты должен обвести их кружком. Пацанов гоняет Цербер, за тобой пойдут Уран, Гор, Бах и Рекс. У тебя фора пятнадцать минут. Они не будут пятнать тебя в радиусе пятидесяти метров от целей, – спокойно изложил лейтенант, – вопросы?

– Никак нет, господин лейтенант, – чётко ответил Джонни.

– Тогда вот тебе маркер. Бегом, марш, – скомандовал Ха-рис, и Джон рванул, что есть сил, думая на бегу, – ну и прозвища у извергов! Или их так мамы назвали?

Скрывшись с глаз за домами, Джон перешёл на рысцу, потом на быстрый шаг, и пошагал вразвалочку, обдумывая положения.

Во-первых, убивать инструкторов нельзя, хоть и очень хочется.

Во-вторых, у них нет такой нужды в скрытности – за всеми просто не уследишь. Значит, они думают, что быстрее. Ну, пусть думают.

В-третьих, восемь глаз – фиг спрячешься. И они знают, где цели, раз лейтенант говорил о радиусе. Знают, куда пойдёт Джон?

– Да фиг угадали! Я просто по наитию рванул во весь опор, но они-то думают, что мне хочется погасить ближайшую цель и бежать к следующей. Конечно же не успею – обложат у ближайшей, будут ждать, когда выйду. Или устроят засаду у второй цели? Вряд ли, там такое месиво, обойду – они меня уже знают, – рассуждал Джонни скрытно двигаясь ко второй цели.

Постоял, прислушался, приняхался, вперёд. Именно приняхался – одного он видел с сигаретой, от всех разит одеколоном – как дети малые!

– Им не засады в развалинах устраивать, а в песочнице ковыряться, – улыбался Джон, обводя первый крестик.

Осмотрелся, выбрал позицию для дозорного, устроился и отключился. Старая привычка сидеть в наблюдении часами под собственным ярко-фиолетовым небом. У наблюдателя голова должна быть пуста от малейшей мысли – только глаза, только слух и чутьё, если жить хочется. А то засекут, подкрадутся, а ты окрестности сканируешь...

Вот и господа инструкторы, надоело им Джона дожидаться, нехорошие мысли одолели. Ну, точно – пятнать им Джона у крестика нельзя, но посмотреть-то можно. Скрылись в доме. Упс – разочарование. И что мы думаем? Что Джонни к третьей цели подбирается. Во как ломанулись!

– Пробежитесь, вам полезно, – злорадно бормотал Джон, спокойно направляясь к первой цели. Зашёл в дом, нашёл крестик, обвёл, и так же спокойно направился к третьей цели.

Что там может быть, кроме засады? Конечно, сразу проверили крестик, убедились, выбрали подходящие для Джона маршруты.

Они просто не представляли себе, какие маршруты могут быть подходящими для крысы! Джон продемонстрировал, насколько быстрой и ловкой бывает эта зверушка, его заметили, кинулись, но...

– Туки-та, – обвёл Джонни крестик под очень недобрыми взглядами. Мужики догадались, что это была издёвка, специально для них.

– Всё, мальчики, пойдём домой, – пропел Джонни, – кушать ка-а-ашку, ам-ам.

Мужики заворчали, развернулись и потопали, игнорируя Джона.

– Крыса? Разведчик? – спросил лейтенант.

Джонни кивнул.

– Как ты здесь оказался, крыса-разведчик? – задумчиво протянул Ха-рис.

– Нельзя что ли? – буркнул Джон.

– Можно! Даже нужно! – воскликнул лейтенант, – блин, счастью поверить не могу!

Немного успокоившись, добавил непонятно, – только теперь ты – крыса-поводырь.

Смысл его слов Джон понял утром следующего дня. Лейтенант поставил обычную задачу, но...

– Джон, выбери любого бойца. Ты должен провести его к цели.

Конечно же, Джон выбрал Джоша.

К концу первого месяца парни уже выходили на маршруты группами. Стоя против инструкторов и... Джона! Ну, какие они ему учителя в этих вопросах? Инструкторы не считали зазорным признать его равным на время занятий в развалинах.

Однако ребят готовили не в крестики-нолики играть. Началось с рукопашного боя – началось опять с подачи Джона.

Вот выдали табачное довольствие. Всем выдали, но Джону оно зачем? Да сменять сигарету на лишнюю тарелку супа.

Парень недоедал с детства и никак не мог наесться досыта. Но сигарет оставалось ещё много, и нагло объедать пацанов Джону было неловко. Ребята сами напросились – затеяли игру в карты на сигареты. Эти фермерские сыночки предложили Джонни сыграть!

Он же читал их, как открытую книгу, увальней деревенских. Господи, они даже блефовали! Джону было немного стыдно, и он, конечно же, проиграл. Потом ещё и ещё проиграл. И вдруг выиграл!

Всем было очевидно, что ему просто повезло. Когда ему ещё несколько раз повезло так же просто и по крупному, ребята заподозрили неладное.

Здоровяк Гарри позвал поговорить в туалете, мол, есть вопросы. Джон вздохнул – чему быть, того не миновать – и направился следом. Только разговаривать не собирался.

Гарри шествовал впереди, не сомневаясь, что этот мутный шибздик плетётся за ним на праведный суд. Уже в дверном проёме туалета он был несколько обескуражен, получив страшный удар сразу с двух ног в хребтину.

Ребята, что поджидали Джона в помещении, тоже не поняли, что это он уже начал диалог по-своему. Особенно тот, кому в пузо башкой в падении впоролся Гарри.

Джон влетел прыжком, кувырок, и на выходе в промежность третьему. Четвёртый ляпнул, – ... твою мать!

За это удостоился отдельного обращения – не простого избияния, а с замачиванием. Джон просто вдолбил его голо-

вой в сортирное очко, оттуда только ботинки торчали.

В общем, на вопросы были даны исчерпывающие ответы, и пострадавшие поползли в санчасть, а одного, самого недалёкого, пришлось сначала выдёргивать из дырки, а потом нести, вернее, волочить за ноги. Хотя и поздно, парни узнали, насколько обманчивой бывает внешность.

Однако все вопросы таким способом не решишь, а решать-таки надо. Например, Джон сдружился с Харпёром. Это кличка, его Томасом звать, и он вечный дежурный по столовке. Ну, не видели командиры способов, как сделать из него бойца, не убив при этом.

Хороший, но дохлый боец, хуже вечного дежурного, тем более Томас умеет готовить. Джон несколько раз по-дружески его выручал, и Харпёр не оставался в долгу. Джон не наглед, не наседа, а тут как-то зашёл выпросить бутерброд и поболтать, а у Томаса глаз засвечен.

С вопросами не полез и правильно сделал, тем же вечером ему предложили за сигареты мясные консервы. Мягко говоря, сделка оказалась провальной – с возвращением консервов Томасу и подобающими извинениями со слезами на разбитых в хлам рожах.

Ребят набрали из медвежьих углов – пример любой наглядности для них не пример, пока сами не попробуют. В общем, когда инструкторы стали учить их драться, они не увидели ничего принципиально нового – их целенаправленно учили убивать по той же философии – бей первым, бей

внезапно, бей чем попало, бей насмерть...

Навыки Джона вновь оценили – он в принципе делал всё то же самое, но официально и в учебных целях. Сам, кстати, тоже нехило огребался. Методика у инструкторов такая – нападайте, хоть скопом, хоть по очереди, хоть вообще не нападайте, можете даже попытаться удрать.

Подготовка перешла на новый уровень, стала более индивидуальной – добавилось тесное общение с инструкторами. Ребята с горя начали немного разбираться в их болботании.

Прежде всего, оказалось, что такойцы для них были та-касами, или сука-таками. Боб – парень, сука-боб плохой парень, са-сука-боб настолько плохой, что и не парень вообще, са-сука-так – офицер...

Ничего в принципе сложного, парни быстро схватили базу, а развивали уже при инструкторском содействии. Раньше изверги всего лишь не считали нужным говорить с дикими животными, но не считали зазорным сказать пару ласковых уже немного дрессированным.

Кстати, Джон, застав лейтенанта в хорошем расположении духа, набрался смелости спросить, кто это дал инструкторам такие затейливые клички.

– Я, конечно, – буркнул лейтенант. – Ты не представляешь, какие у них имена! Язык сломаешь!

– А что они значат? – Джону было очень интересно.

– Понятия не имею, – смутился Ха-рис, – у моего бати на ферме волкодавы, вот так он их обозвал. Я и подумал – что

годится для тех зверей, пойдёт и для этих.

Всё чаще приходилось серьёзно разговаривать, они ж начали стрелять из настоящих винтовок настоящими патронами! Тут уж дикарём оказался Джонни, фермерские сынки стрелять научились раньше, чем говорить. Он даже подозревал, что многие парни вообще что-то говорить начали только в учебке, а стреляли прям с рождения.

Но это на полигоне, а в развалинах другое дело, а гранатами Джонни мог жонглировать и закинуть что угодно куда попало. Например, некоторые неосознательные забывали тушить окурки, так Джон никогда не ленился нагнуться за бычком, чтоб забросить его неряхе за шиворот. А уж в дротики с ним никто и не связывался, только у Джоша не хуже получалось с ножом.

Ещё через месяц ребят разбили на учебные отделения. Бегать среди развалин, драться, стрелять и швырять гранаты приходилось по заданному группе тактическому замыслу. Индивидуальными остались лишь тренировки с ножом, вскоре понятие "нож" расширилось до всего, что может попасть под руку.

Тактические занятия сводились всегда к одному сценарию – к эвакуации раненого. Что раненого положено добить и продолжать выполнять задание, инструкторы понимать не хотели.

Вообще-то они отрабатывали и захват зданий, и скрытное

проникновение, что Джону было особенно близко. Учились правильно организовать оборону, выбрать позиции, немного минировали...

Но каждый Божий день они кого-то тащили «к своим». Лишь однажды инструктор прокомментировал вслух. – Так меня долго... принести сюда...

Ребята уже сдружились и откровенно обменивались мнениями. Часто спорили, но в данном случае были единодушны – укурок просто обдолбался. Заблуждались они недолго, до конца обучения. Всего-то через месяц, то есть через полгода обучения, они впервые удостоились чести лицезреть начальника школы.

На обычном утреннем общешкольном построении старший офицер рявкнул обычные «равняйся, смирно» и, повернувшись к незнакомому офицеру, так ему и сказал. – Господин начальник школы, личный состав в комплекте и готовности, дежурный лейтенант Ха-рис.

Высокий седой мужик в белоснежном мундире и с достоинством на немного лошадином лице кивнул лейтёхе, буркнув, – вольно.

– Вольно, – обрадовал Ха-рис собравшихся, как глухих.

А господин начальник звучным, хорошо поставленным голосом обратился к курсантам:

– Парни, только не смейтесь, пожалуйста, вас забирают в армию...

Парни и не думали смеяться. Ребята своим отделением сидели на траве молчаливым кружком, потрясённо перебарывая новости. Настолько задумались, что с досадной задержкой заметили появление самого грозного их инструктора Цербера.

Лихо подскочили в положение смирно и обглодали начальство преданными глазами.

– Бросьте, парни, – неожиданно просто улыбнувшись, сказал Цербер лишь с легким акцентом. – Вам не надо так стоять перед враги. Присядем?

И уселся на траву, как курсант. Парни осторожно расположились на прежних местах, не сводя с него подозрительных глаз. Он сказал врагом? Ну, другом его, конечно, не назовёшь, но ничего ж личного?

– Успокойтесь, я не буду вас убивать. Не прямо сейчас... Такая выступила в войну, и вас убьют там... Да, там всех вас убьют другие этары.

– Другие? – пискнул Джош.

– Да, другие этары. Как я. Как все инструкторы.

– Но почему вы здесь? – немного осмелев, продолжил рыжий фермерский сынок.

Остальные помалкивали, справедливо считая, что их отделению достаточно потерять одного Джоша.

– Как мы сюда попадали? Вашим приятелям, теперь союзники попали в плен. А они передали сюда. Зачем? А на всякий случай. Мы умеем воевать, вы скоро поймёте.

– Мы тоже, спасибо вам, – уже спокойно сказал Джош.

– Не за что. Мы не готовили вас к войне против Этарх. Так нам сказали... правду, зра-са-сука-бобы! Вы – вообще нерегулярные, для порядка... вот в таких городах, – махнул Цербер на развалины.

– На вас этарская форма? – уточнил Джош.

– Да, я понимаю, кто нас обманул – мы сами. Мы не учили вас воевать против мятежников, мы просто учили вас воевать... понимать нашу речь, видеть в нас опасных, умных, умелых врагов. Ну и пусть, зачем я вам это говорю? Я хочу, чтоб вы увидели, этары – солдаты, и говорю – дай вам солдатский бог выжить, ибо солдаты – братья. Одно оружие и судьба, а враги... там, позади.

Пацаны недоумённо переглянулись.

– Я солдат, готовил из вас солдат и по-солдатски должен... не хочу оставлять несделанным... несказанным... мои братья...

Парни уже откровенно открыли рты, но Цербер просто не договорил.

– Мои братья долго несли меня. Раненый сильно, они были братья, и не хотели убить. Нас послали на войну убивать, а они несли меня, потому что стали солдаты. Я хочу вам, чтоб вы стали солдаты.

Цербер наконец замолчал, обвёл их холодными серыми глазами, вдруг резко, как спохватившись, встал и ушёл не оглядываясь.

Глава 4

Такая вступила в войну солидно, даже основательно. На другой день после объявления... ну объявили 31.03.3017 Эры Нова в 23:50, а 01.04 в 00:00 с аэродромов союзной Джудии стартовали эскадрильи четвёртого воздушного флота, им до целей было ещё четыре часа переть.

Флоту отличиться сразу не удалось, убитому об коралл цефалоподу ж было ясно, что война неизбежна, вот и попрятались этапы по базам. Однако, как оказалось не все – 01.04 в 00:05 был торпедирован сухогруз Гибон, в 00:20 эсминец Тревор, подошедший для спасения экипажа Гибона, в 01:11 крейсер Малин поймал донную мину на подходе к базе вообще хрен знает как далеко от Первого континента.

Когда начальник школы толкал речугу, бомбардировщики четвёртого флота возвращались на базы, оставив за собой разрушенные, горящие дома Фартфура и полсотни своих машин. А когда Джонни с приятелями садился в автобус, волчи стаи подводного флота Этарха вышли на трансокеанский такийский конвой и разменяли первую сотню тысяч потопленного грузового тоннажа.

Ребята набились в автобус радостно возбуждённые. Выяснились приятные детали. Официально смерть Чи-ха-хо вла-

сти признавать не спеши. Оказалось, что парни шесть месяцев не дурью маялись, а охраняли правопорядок в населённом пункте на добровольных началах в составе добровольных же формирований.

За это полагалось от работодателей среднемесячное содержание, а при отсутствии работы стандартный уровень компенсации (СУК). Целых триста баксов, а без вычета за обмундирование и с проездными аж триста пятьдесят!

С гражданкой у Джона всё было в порядке, давно уже выиграл комплект, как знал, что пригодится. Да пацаны не в обиде, их мамки добротню собирали, каждому по три рубашки уложили и по три свитера в этакую жару.

Так им вообще повезло, всех же призывают с места жительства, вот они по домам сначала, родные берлоги повидавать. А у Джонни в предписании значится – явиться за повесткой по месту розыска.

То есть в родную полицейскую управу, из которой в силы поддержания порядка он попал по недоразумению. Это ему в канцелярии милая улыбчивая Люси сообщила, и утешила, как смогла:

– Зато тебе хорошую характеристику написали, что ты теперь почти неагрессивный. Вот возьми, пригодится. И вот ещё характеристика на Стива, но его ж в госпиталь с переломом челюсти увезли, вряд ли она ему понадобится. Бери её тоже, больше бумаги – чище э... у меня в столе.

Джон улыбался, вспоминая Люси, любовался из окна ви-

дами под его фиолетовым небом. Тренировочные развалины оказывается населённый пункт.

Почти неагрессивный? Ладно – главное снова в армию вернуться. И сделать это нужно побыстрее, а то ж устроит что-нибудь наподобие из полицейской управы и дома господина Та-ню... да всего квартала, чего уж мелочиться?

Автобус остановился на станции, ребята пошли покупать билеты до родных логовищ. Джон никого не смог уговорить составить ему компанию. Даже тот весомый аргумент, что расстанутся они скорее всего навсегда, был воспринят с какой-то даже обидной радостью, и разбивался об их уверенность в скорой встрече во вражьей столице.

Да просто кресты считали своим долгом довести баксы до предков в сохранности. Ну, побаивались парни города, несмотря на полгода, проведённых в городских развалинах.

Джонни в одиночестве поплёлся знакомой дорожкой в родной до фантомной боли в почках полицейский участок. Идти было почти через полгорода, он несильно торопился.

Нести свои деньги копам Джон считал неумным, спрятать ещё глупее – или посадят, или на войне убьют, так зачем мертвецу баксы? Потому для начала, чтоб привыкнуть к хорошей жизни, купил двойной хот-дог с большой бутылкой колы.

Потом схрумкал пачку чипсов, аккуратно и с некоторой почти торжественностью положил пустую пачку, салфетку

и порожнюю бутылку в мусорный бак и огляделся оценить произведённое на окружающих впечатление.

По раннему времени окружающих было маловато, и оваций не последовало. Джонни даже не огорчился из-за этого, его внимание привлекла вывеска "Икоты бегемота". Вот куда принесли его натренированные ноги в армейских ботинках! Вот достойное место чтобы потратить просто чудом честно заработанные деньги – решил Джон и направился к входу.

В заведении посвистывал потолочный и жужжал напольный вентилятор, прикрытые жалюзи создавали уютный полумрак, в глубине зала за рядами столиков над стойкой возвышался силуэт старого Сэмми, а за его спиной загадочно поблёскивали разнообразные бутылки.

– Привет, Сэмми, мне как всегда, – небрежно бросил Джонни лелеемую воображением фразу и вальяжно направился к музыкальному автомату. Гм, Сэмми, кажется, обожает Магик Блюзес? Так пусть их встреча пройдёт под достойное сопровождение. Джон недрогнувшей рукой скормил агрегату целый бакс и обернулся к стойке.

Сказать, что он произвёл впечатление – это ничего не сказать. Глаза уже привыкли к сумраку после солнечного утра, и он смог разглядеть все пломбы в зубах разъявленной пасти Сэмми и личность его собеседника, разместившегося несколько сбоку.

Господин Та-ню любовался скромным героем полугодо-

вой охраны правопорядка во все свои полные тоски и злости лупетки.

– Ну, вот он опять! – только и успел огорчиться Джонни, перехватывая за горлышко первую посланную в него бутылку.

– Я жду твои губы! – вывел ящик под нить саксофона.

– Э... господа! – попытался наладить диалог Джон, поймал вторую бутылку и аккуратно поставил на столик рядом с первой.

К саксофону присоединилось пение трубы, музыкальный ящик завыл. – Я помню твои глаза!

Господин Та-ню, схватил банкетку наперевес и, с визгом набирая скорость, двинулся в его направлении.

– Мне не забыть твои уши! – стонал Магик Блюзес под акомпанимент всей банды, переходящий в ударный соляк.

Джонни перехватил высокую ножку сиденья, дернул на себя и вниз, чтоб в пол воткнулась. Господин Та-ню, не переставая визжать, по всем законам баллистики и при полном содействии Джона взял пологую параболу...

– Как пела твоя душа! – подвёл итог музыкальный агрегат и поломался оттого, что господин Та-ню врубился в него, наконец-то, переставшей верещать излишне горячей своей головой.

– Ба-бах! – вступила в разговор ружбайка.

Джонни перекатился через голову, успев схватить со столика бутылки. Швырнул первую в сторону предполагаемого

стрелка, снова кувыркнулся между столиками и продублировал подачу.

Осторожно выставив над столешницей самый уголок правого глаза, попытался оценить опасность. Стрелок, предположительно неблагодарный старый засранец Сэмми, видимо залёг за стойкой.

Дабы не дать ему возможность перезарядить ружьё и отвлечь, Джон навесиком забросил за стойку кстати подвернувшееся барное сиденье и рванул к правому флангу.

За стойкой обнаружились Сэмми, сидушка и ружьё, лежащие в куче, но независимо и в одинаковом бессознательном состоянии. Джонни взял со стойки салфетку, обильно смочил из случившейся поблизости открытой бутылки вискарём и принялся приводить в чувства почтенного бармена.

Он же был, в сущности, незлой парень и очень переживал, что старик мог окочуриться. К счастью пронесло, Сэмми засопел, открыл глаза, увидел радушную Джоннину улыбку, икнул и снова попытался ускользнуть в забытьё. Джон пресёк попытку простым отвлекающим вопросом.

– Сэмми, ты собирался звонить в полицию?

В глазах бармена ясно читался ответ, несмотря на яростное мотание головой.

– Вот и чудно, хоть подвезут. Звони, мне туда и надо, – Джон снял с аппарата на стойке трубку и протянул её старику. Набрал номер и продолжил разговор.

– Дружище, я ухожу на войну. Можно я буду тебе писать? Сэм горячо закивал.

– Спасибо, только и ты мне напиши, хорошо?

Сэм, вслушиваясь в длинные гудки, закивал ещё энергичнее. Тут Джона осенила удачная мысль.

– И вот что, я в городе никого не знаю, с копами сам знаешь, как разговаривать. Можно я тебе оставлю на хранение до нашей победы триста баксов? Благодарю, дружище!

– Алё, полиция! – вдруг заголосил старый Сэмми, – Алё! Нападение на бар "Икота бегемота"! Меня взяли в заложники! Да, рядом... Джонни, тебя, – заискивающе улыбнулся бармен, протягивая трубку.

Джон укоризненно воззрился на старого истерика. Ну, за кого он его принимает? А за кого ему, собственно, принимать Джона? Ладно, личное можно будет потом выяснить в переписке – решил Джонни и легонько тукнул старика по макушке телефонной трубкой.

Он же и так собирался падать в обморок? Вот и не стоило тратить вискарь на это чучело. Теперь что-то надо сказать полиции, ждут же люди. Так за кого его принимают?

– Алё! Бегемот-икать взорваться чрез час, хочу са-су-ка-такос прекратить бомбить! Хрух Этарх! – проговорил он в трубку, подражая голосу и выговору Цербера, и, опасаясь недопонимания, добавил от себя. – Героям слава!

Улыбаясь от мысли, как бы к его хохме отнёсся сам инструктор, Джон обыскал стойку, нашёл авторучку и пачку па-

тронов. Написал на салфетке короткую записку, завернул в неё свои баксы и засунул старику в нагрудный кармашек коббойки.

Напевая. – Кто ходит в гости по утрам...

И заряжая на ходу ружьё Сэма, направился в подсобное помещение, из подсобки вёл второй выход на хоздвор. Джон почти ухватился за дверную ручку, когда она неожиданно увернулась, дверь открылась, и в проёме нарисовалась грузная фигура в сине-белом комбезе.

– Хозяин, ё-моё, оглох? Сколько тебе сигналить? Вот вывалю твоё пойло на землю, я тебе в грузчики не нанимался! – провякало туловище, смешно таращась со света в полумрак.

– Тот поступает мудро! – допел Джонни, засветив прикладом в верхнюю часть тушки. – Трудно тебе было, сука, выгрузить, спрашивается?

Негодую на вопиющую непочтительность к старшим, Джонни обыскал карманы сине-белого комбеза. Не найдя ключи, решил, что лодырь скорей всего ещё и неряха, и прошёл к яркому бело-синему фургону во дворе. Дверца кабины была открыта, ключ торчал в замке зажигания, и Джонни, естественно, воспринял всё это как приглашение.

Аккуратно вырулив со двора на улицу, Джон услышал неприятно знакомое, но пока отдалённое завывание.

– Гляди-ка, поверили, – ухмыльнулся парень, сворачивая к пустырю. Он как-то сам собой образовался на месте некогда ухоженной лужайки господина Са-но, когда сам господин

врезал дуба, и в его коттедж въехали многодетные наследники с исторической родины господина.

Хоть деток у них хватало, мусор вынести было некому, а нанять кого-нибудь давила южная жаба. Ну, где одна кучка, там и вторая несильно бросается в глаза, — такого было мнение всех окрестных мусорщиков.

Будучи недавно одним из них, Джон хорошо знал местную топографию и, легко преодолев помойку, вывел фургон во двор прачечной Че-на, редкой, вдобавок косоглазой, сволочи.

Едва сумев обуздать желание поприветствовать старого знакомого, ведь и ружьё под рукой, Джон проломил фургоном хлипкую ограду. С особым удовольствием послал машину в занос на газоне лужайки господина Рогу, сволочи обыкновенной, и от души газанув, с пробуксовкой выехал на тихую улочку.

Подъехал к перекрёстку, как порядочный пропустил кортеж истошно завывающих сиренами полицейских и спокойно свернул на прямую дорожку к полицейскому участку. Легко нашёл паркинг неподалёку и пошёл на второй заход в вожденную армию.

Глава 5

В околотке царило судорожное оживление, вызванное, скорей всего, патриотическим порывом. Родина умела считать деньги и, как водится, норовила подбросить верным своим сынам лишнюю работёнку за то же жалование.

В принципе Родина, как всегда, была права, ведь задача полиции – направлять преступный элемент по правильному назначению, не так ли? Ну и кто из нас без греха? А какое назначение в данный исторический момент правильное, Родине, конечно же, виднее.

Потенциальные преступники толпились в тесном холле и ломились в двери с красивым плакатами. Потолкавшись и послушав разговоры, Джонни кое в чём разобрался.

За первой дверью, с плакатом

«Мать твоя Такая верит, что есть

У сыновей её верность и честь!»

...всем резервистам, у кого имеется водительское удостоверение, полагалось его сдать или оплатить штраф за утерю документа, а у кого прав нет, предъявить что угодно со своей фоткой, именем и печатью. Получить призывное предписание и следовать на сборный пункт.

Без предписания попадёшь за уклонение от призыва даже на сборном пункте, хотя вряд ли до него доедешь, потому

что все водительские удостоверения объявлены недействительными.

Лицам, пока не подлежащим призыву, выдаются временные разрешения за дверью с красивым плакатом: «Такиец! Отдай Родине долг, как только сможешь! Такие всё-таки мать твоя тоже!» Там ещё сразу на оборонный заём собирали.

Джон озадаченно уставился на дверь с приколотой бумажкой «Розыск». У него в карманах ничего с печатью и фоткой отродясь не водилось и деньги он Сэму оставил, значит, за первыми двумя дверями его явно не ждали.

К тому же Люси говорила что-то о розыске, да и народу в этот кабинет никого, не то, что в прочие. Джонни, культурно постучавшись, приоткрыл дверь, спросил «можно» и увидел за столом копа, уже спровадившего его в армию полгода назад. Ну и пусть не всё получилось, человек же хотя бы попытался, и Джонни счёл встречу удачной.

Коп тоже обрадовался, вернее своему счастью не поверил. Он сразу вспомнил ушлёпка, которого сдуру запихнул не в ту камеру. Никто ему лично не пенял, ведь сопровождающие при доставке в комендатуру одного отпускника умудрились упустить. Но и они легко вывернулись – по протоколу задержали четырёх? Вот и воякам сдали четырёх, а что один немного не то, так на нём не написано.

Огрелись всем сплочённым коллективом, ибо обоссанный

терпила в мусорном баке, когда смог связно изъясняться, назвался сыночком главы магистрата господина Та-ну. В результате просто кошмар какой-то – фактически, добровольно сдавшийся властям его обидчик, как дух бесплотный растаял в стенах их участка, не оставив по себе даже вони.

Учитывая мобилизацию и ожидаемое снижение преступности путём переноса её на театр военных действий, многие полицейские обоснованно ожидали уже собственного переноса туда же, за преступностью вдогон.

На другой же день после вступления в войну поползли зловещие слухи об уровне патриотизме в целом по управлению и отдельным департаментам с конкретными участками по списку. Уже произнесено было, пока шёпотом и с постукиванием по дереву, ужасное слово «переаттестация».

И вот он – счастливый билетик, индульгенция на переаттестацию, счастье его конопатое! Сидит на стульчике и несёт какую-то ахинею, а сделать, как назло, ничего нельзя! Личный состав в оцеплении зоны теракта и на задержании возможных пособников, а ему хоть жопой стреляй!

Без стрельбы что-то делать лучше не пытаться, помещённый в мусорный бак этим пареньком обоссанный терпила оказался спортсмен, даже бейсболист, кажется. Оставалось лишь молиться и тянуть время. Улыбаемся и киваем, всё хорошо, улыбаемся и киваем...

Джонни оборвал фразу на полуслове и внимательнее при-

смотрелся к представителю власти. Ему, кажется, было нехорошо. Или наоборот, но не всё в порядке – это точно.

Джонни наконец-то удалось растеряться, он встретил за один день даже для него слишком много психов. Его уже по сегодняшней традиции вновь выручил случайный персонаж. Без стука распахнулась дверь и в кабинет "как к себе домой" впёрся пузатый чин в мундире с красивыми шевронами.

– Как дела с розыском уклонистов, Энди? – грозно насупившись, неожиданно пискляво спросило ответственное лицо улыбчивого копа, начисто игнорируя Джона. – Где результаты за сутки? Пособничаешь? Уклоняешься?

– Нет-нет, что вы, господин офицер! – проговорил Джон, сразу не сообразив, что обращались не к нему.

Улыбчивый коп перестал улыбаться и кивать, побледнел и открыл рот что-то вякнуть, но начальство уже переключилось на посетителя.

– Сынок, а ты почему не в армии? Наверное, ещё молод?

У офицера тоже был сынок, и ему очень не хотелось отпускать парня на войну, но проклятое предписание уже лежало в кармане. Ему предстояло лично вручить это сыну, а потом самому отвезти на сборный пункт.

– Нет, офицер! Я хочу в армию, но я официально в розыске и должен сначала сдаться властям. Ведь из документов у меня только справка и две характеристики. – Повторил Джон свою речь с виду вменяемому полицейскому. – А этот коп нефига не понимает, обдолбался наверное, госпо-

дин офицер!

– Как тебя зовут, мальчик? – проникновенно спросил толстый.

– Джонни, господин. Джонни Ри-тано.

– А вот и нет, – улыбнулся добренький дядя. – Ты – Джонни Ха-ня, а это твоё предписание.

Джон уставился на вытащенную им из кармана бумажку, открыв рот.

– Но мои документы...

– Ты главное на сборном пункте предъяви предписание, а документы тебе уже там сделают, какие понадобятся, – офицер ловко положил бумажку в кармашек Джонниного свитера, – если вообще понадобятся. У тебя есть на чём добраться до сборного пункта? Это за городом, ты, наверное, не найдёшь, давай, я тебя подвезу!

– Что вы, господин офицер, я найду, я на машине. А вы лучше присмотрите за этим, кажется, ему лучше лечь, – указал Джонни на странное поведение улыбчивого копа.

Полицейский, уронив голову на ладони, трясся плечами и всем корпусом. Беднягу колотило в истерике.

– Всего хорошего, господин офицер, – попрощался Джонни от дверей.

– Служи достойно, сынок! Главное – доведи предписание! Я в тебя верю! – успел он услышать в коридоре и, наконец, покинул этот дурдом под вывеской отделения полиции.

Выбравшись из тесного холла переполненного лихорадочно возбуждёнными или уже впавшими в злобное отупение очередей и митингов людьми, Джонни улыбнулся своему фиолетовому небу, вдохнул полной грудью свежий послеобеденный воздух...

И забыл выдохнуть. Наполнив воздух визгом и вонью палёных покрышек в лихом полицейском развороте почти у самых ступенек крылечка его каким-то чудом не задавил полицейский автобус. Джонни резко отскочил, выдохнул и забрался повыше обратно на крыльцо.

Из кабины выпрыгнули двое копов с винтовками наизготовку и подбежали к дверце багажного отделения. Один из них с размаху врезал по ней прикладом и отскочил назад и вправо, наводя оружие в проём арестанского выхода из автобуса. Его коллега слева уже целился туда же.

Дверца распахнулась, оттуда головой вперёд вылетел Цербер собственной персоной со скованными за спиной руками и, несколько проехав по асфальту лицевой своей частью, притормозил в двух шагах от полицейских ботинок конвоя. Аналогичным образом за ним последовали ещё четверо инструкторов вот только сегодня закрытого центра подготовки добровольных сил охраны правопорядка.

– Похоже, хохма удалась, – мелькнуло в голове Джона, – однако пора завязывать с такими шуточками.

Но у духа больного юмора этого дня были свои планы на вечер.

– Так, где ты говоришь, твоя машина, сынок? – слышался сзади голос доброго дяденьки с красивыми шевронами.

Джонни, оглянувшись, увидел всю его внушающую доверие пузатую фигуру с помповым штурмовым полицейским дробовиком наизготовку.

– Вон там, господин офицер, я уже собирался уезжать...

– Вот и хорошо, что дождался меня, сынок, я тебя всё-таки провожу, – душевно отвечал полицейский, – ты сейчас, не торопясь и не дёргаясь, пойдёшь к пассажирской дверце...

– Да я честно...

– Пасть завали, говнюк, у меня язва в желудке, нервы ни к чёрту, и трясутся пальцы с бодуна! – резковато перебил Джонни полицейский чин. – Ну чего встал? Тебя при попытке к бегству изуродовать?!

Джон, естественно, не стал искать в словах и действиях копа смысл, просто пошёл, куда велено, не спеша и не оборачиваясь. Коп, соблюдая почтительную, но убойную дистанцию, двинулся следом.

Джонни медленно и осторожно двумя пальцами достал из кармана ключи, широко открыл дверцу и, заранее протянув руку в приглашающем жесте, обернулся к мужику с дробовиком.

– После тебя, сынок. Вынь ключ и залазь... теперь перелезь за руль... пристегнись... ключ в замок зажигания... уминца, положи руки на руль, а рожу отверни к окошку, обернётся – я не виноват.

Джон уставился на фасад здания полицейского участка, размышлял о горькой судьбе заложников полицейского произвола и прислушивался к пыхтению толстого копа. Раздался скрежет, затем лязг пассажирской двери, и писклявый голос толстого. -Заводи мотор.

– Можно, я стекло опущу? Жарко ведь.

– Только немного. Поехали... да повернись ты на дорогу, даун! На Шаморскую трассу, загород, только правила не нарушай.

Джонни послушно аккуратно вёл угнанный фургон под дулом психопата в полицейском мундире. Дуло снаружи было никак не разглядеть, а фуражку на больной голове вполне – на многочисленных по нынешнему тревожному времени постах полицейские провожали фургон форменным подхалимским отданием чести.

Джону это немного льстило, но начали одолевать нехорошие мысли. Повинуясь указаниям чина с ружьём, он вёл фургон к памятным развалинам заброшенного пригорода. Ну, если этот толстый извращенец имеет ввиду близость, он её получит.

Джон зло усмехнулся – вряд ли она принесёт тому радость, только б чуть ствол отвернул. Но коп уверенно держал

парня в луче разлёта картечи, не сокращая дистанции.

Когда повернули на знакомый просёлок, Джон воодушевился – они ехали к учебке! Только б её ещё не совсем закрыли...

– Эгхм, её, кажется, совсем не закрыли, – подумал Джон, остановив машину у не понятно откуда взявшегося шлагбаума ещё утром отсутствующего здесь блокпоста.

Он вообще-то не вполне материализовался – имелся только завал из мешков с песком и пулемёт на станке, но персонал с винтовками уже присутствовал и поблажек никому не давал.

Ну, не хотел давать. Военный подошёл к водительской двери и в приоткрытое по летнему времени окно потребовал выйти из машины для досмотра.

Джон уже решил, что всё благополучно обошлось, однако коп знал секретный пароль. – Где нюх твой, Карл? Или твоему папашке капральские погоны жмут?

Карл махнул кому-то рукой и смешно сделал ружьём. Шлагбаум открылся по привычному уже полицейскому волшебству.

– Сыны опоры нации в первых рядах защитников Родины, – наверное, подумал, что объяснил фокус псих с ружьём.

Проехали уже знакомые Джону две сотни метров к ставшему за последние полгода родным плацу, и коп перешёл на нормальный язык.

– Припаркуйся вон там, где машин нет... окно закрой. Глуши мотор, ключ держи в руке. Теперь молча любишься видом и ждёшь... Вылазь... закрой машину... давай к тому дому не торопясь и не оглядываясь!

Тот дом – это бывшее школьное здание, что вполне устраивало Джонни. Он, почти спокойно пройдя известным маршрутом, без подсказок направился к дверям канцелярии.

За спиной одобрительно засопело, Джон вошёл в знакомое помещение и, открыв рот, уставился на улыбчивую Люси. Она тоже, открыв милый ротик, вытаращила прелестные глазки за спину Джона на полицейского с дробовиком.

– Оформляй, доченька, бойца, – с одышкой пропищало из-за Джонниной спины, – сам сына доставил, боится служить, аж смешно!

Люси истеричным хохотом выразила полное с ним согласие.

И ничего смешного, Родина в это тревожное время по всегдашнему своему обыкновению никого веселить специально вообще не планировала. А удивляться или ржать – конституционные права всякого свободного такийского гражданина, покуда они не мешают ему исполнять его почётные обязанности отдавания священного долга.

Поэтому оторжавшись Люси по инерции мило напослед-

док улыбнулась, нацепила на личико конторскую скуку и сухо проговорила:

– Бумаги, рекрут.

– Какие? – не понял Джонни.

– Все, что есть, рекрут, – устало скрипнула девушка.

Он вывалил на стол предписание Джонни Ха-ня, справку о службе в добровольных силах поддержки правопорядка на собственное имя, свою почти неагрессивную характеристику и ещё нечитанную характеристику Стива с переломом челюсти. Люси брезгливо двумя тонкими пальчиками взяла предписание и углубилась в изучение, бросив, не поднимая головы:

– Офицер, вы свободны. Пропуска.

– Какие? – растерянno пискнул коп. Он сразу подобрел весь, увидев, что предписание в надёжных официальных руках.

– Ваш и на машину, если вы не пешком пришли, – Люси подняла на него посерьёзневшие глаза.

– Так ведь полиция же! И я начальник участка, вот его доставлял, а он...

– А он с предписанием, – пресекла полицейский лепет Люси, сняв трубку с настольного аппарата. – Дежурный, проникновение в расположение, кажется, с оружием...

– Да пешком мы с трассы напрямик через лес, доченька, насилиу нашли! – залебезил полицейский и обрадовано вспомнил. – Вот в лесу, видать, я и обронил пропуск-то!

– Правда? – протянула Люси в сомнениях, – вроде бы сегодня я никому пропусков не выписывала.

– Забыла, доча, заработалась!

– Возможно, – согласилась Люси, положив трубку обратно. – Имя?

– Капитан Ха-на. Доченька, мне бы позвонить, машину из участка вызвать, – просительно залопотал полицейский чин с дробовиком.

– Телефон для неслужебного использования в офицерском клубе, только его ещё не открыли. Придётся подождать, – рассеянно посоветовала Люси, каллиграфическими буквами заполняя какой-то бланк.

– Обеденный перерыв? – предположил коп.

– Не, на ремонте. Вам, наверное, будет быстрее поймать попутку на пропускном пункте, где вы должны были останавливаться при въезде на территорию. – Деловито забормотала девушка, отложив готовый документ. Открыла чистую папку. – Там ещё пулемёт и шлагбаум. Шлагбаум от пулемёта отличается окраской и размерами...

– Спасибо, доченька, отличу как-нибудь, если увижу. Так я пойду? – коп полностью осознал, что здесь ему не у себя.

– Рекрут, передайте капитану пропуск, – протянула Люси только что заполненную бумажку.

– Возьмите, господин офицер, – Джон обернулся к толсто-му. Тот принял пропуск, далеко протянув над дробовиком руку.

– Всего хорошего, офицер, – профессионально улыбнулась и врезала по скоросшивателю девушка – образцовый клерк.

– Угу, служи достойно, сынок! – наконец-то попрощался коп. Так и не решившись повернуться к Джону спиной, обширным задом нащупал дверь и покинул кабинет, задев дробовиком дверной косяк.

– Это кто был? – облегчённо вздохнув с Джонни за компанию, нормальным своим голосом, как ни в чём не бывало, спросила Люси, продолжая канцелярские манипуляции.

– Псих, – пожал плечами Джонни.

– Полицейский, – согласилась Люси, не отрываясь от работы.

– А что ты ему позвонить-то не дала? – удивился Джон.

– Отключили аппараты, когда учебку закрыли. А сейчас включить не могут, представляешь – проводов не хватает! Недавно за ними в город отправились... – Люси не сдержала смехок, – лесом!

Джон понимающе улыбнулся в ответ – ближайший от родных развалин лес находился в десяти километрах, если по прямой.

– Машину угнал? – деловито обронила Люси.

– Ага, пригодится, есть бланки для опечатывания? – спросил Джон.

– Пригодится..., – согласилась Люси, не останавливая де-

лопроизводства, – бланки есть, но без печати, хотя тебе-то без разницы?

Девушка, наконец, подняла личико, улыбнулась. – Так, за солдатской книжкой придёшь с фоткой, вот тебе требование на обмундирование, это на бельё и гигиенические принадлежности, эта на котловое довольствие, эта на табачное, направление в санчасть отнесёшь. Где что искать за день не забыл?

– Не-а. А в какой я команде? – уточнил Джон.

– Да хрен пока знает. Занимай лучшую койку в любой казарме, – Люси сурово насупилась и передразнила копа, – Служи достойно, сынок!

Глава 6

Служба – это серьёзно, и Джонни соответственно устраивался на новом старом месте, максимально используя свалившееся на него счастье. В прошлый раз его тушку перекантовали через борт армейского грузовика и за ноги отволокли в санчасть лицом по совершенно незнакомой местности, и ему как-то ни о чём не думалось.

Да и не о чем было думать, в общем-то, Джонни просто тащился от прогулки без приключений. На этот заход в армию он спокойно вышел из здания штаба сборного пункта, так оно нынче называлось, и раздумчиво оглядел окрестности. Джонни не спеша обдумывал диспозицию и план компании, исходя из разведданных и оценивая стратегические резервы.

Первым делом аккуратно снял с угнанного фургона номер, пока их просто не отодрали, и «опечатал» дверцы, капот и крышку топливного бака. Подставил под оси фургона кирпичи и выкрутил ниппели из колёс.

В расположении вовсю готовились к ремонтным работам, что ему лично ничего хорошего не сулило, но имелись-таки плюсы в виде подвоза стройматериалов. По указке бешеного копа Джон припарковал машину прямо на площадке, где их,

видимо, запланировали временно размещать.

Джон это такое совпадение расценил как указующий перст судьбы, и в мозгу сами собой оформились требования к казарме и собственно койко-месту. Правильно поставленная задача уже содержит половину решения, а вторую половину Джонни просто вспомнил.

Сходил в гараж, пользуясь временной неразберихой, напятил чей-то комбез и, уже никого не таясь, проследовал по выбранному месту жительства с кувалдой на плече. Боец на хозработах – как и должно быть в условиях масштабного ремонта.

Джон решил не терять время организационного периода, максимально обеспечив себе в будущем свободу маневра – отодвинул койку от кирпичной стены в облюбованной казарме и в десяток замахов её разбил.

Не полностью, сделал дырку от пола примерно себе по пояс. Приладил подпорки из обрезков досок, снаружи как раз строительные леса лепили, и этого добра было в достатке. Сходил одолжить растворчику, затем забил в щели кирпичные осколки и, нанеся последние мазки, оценил содеянное.

Стена выглядела вызывающе эротично. Устыдившись своих ассоциаций, Джон завесил получившийся проход подходящей под цвет стены тряпкой, и придвинул койку на место. Оставалось с одной стороны убрать мусор, а с другой сломать мебель.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.